

Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009а.

Dictionnaire du français contemporain. P., 1966.

Gilbert Pierre. Dictionnaire des mots contemporains. P.: Collection les usuels de Robert, 1980.

Larousse Pierre. Fleurs historiques des dames et des gens du monde. Clef des allusions aux faits et aux mots célèbres que l'on rencontre fréquemment dans les ouvrages des écrivains français. P.: Larousse et Boyer, libraires – éditeurs, sine anno.

Lexis. Larousse de la langue française. P., 1979.

Le Robert dictionnaire d'aujourd'hui. P., 1993.

Petit Larousse illustré. P., 1989.

Rey Alain, Chantreau Sophie. Dictionnaire des expressions et locutions. Deuxième édition mise à jour. P.: Collection les usuels de Robert, 2006.

Rey Alain. Dictionnaire historique de la langue française en deux volumes. P., 1993.

Schapiro Charlotte. Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules. P.: Ophrys, 1999.

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ Н.В. ГОГОЛЯ

К.К. Стебунова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
университет
kirovez@list.ru

Отмечая целостность как неотъемлемую характеристику языковой картины мира, Г.В. Колшанский справедливо утверждает, что эта целостность может быть достигнута только в тексте, так как в тексте реализуется вся языковая система, а сам текст – «длительный акт общения людей определённого социума» (Колшанский Г.В., 2006: 75). Не менее значим художественный текст, вербализующий национальные символы, национально-специфические концепты, и для раскрытия национальной картины мира. Художественная картина мира – «вторичная, опосредованная картина мира, причём она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» (Попова З.Д., Стернин И.А., 2007: 57).

Н.В. Гоголь как автор художественного текста не только отображает в своём речевом произведении этноязыковую специфику, проявляющуюся прежде всего в безэквивалентной лексике и фразеологии, выражающей реалии, обычаи и традиции народа. Словесно сотканное полотно, создаваемое Гоголем, воплощает также концепты, значимые для индивидуально-авторского мировосприятия. Автор – человек, живущий в определённую эпоху, личность конкретно-историческая. Помимо обычного жизненного опыта, он обладает мировоззрением, пристрастиями, убеждениями, ценностными установками, верованиями, воспринимает окружающий его мир, в результате чего в языковом сознании формируется авторский образ этого мира. В итоге на объективную картину мира в художественном тексте Н.В. Гоголя наслаиваются субъективные образы воспринимаемой и воспроизводимой в произведении действительности. Помимо этого, художественное пространство строится в соответствии с замыслом автора. Субъективный образ мира, замысел и мировоззрение автора тесно связаны с концептосферой, отражённой в авторском языковом сознании. Механизмом постижения реципиентом индивидуально-авторских концептов служит поиск ключевых идей, прямо или косвенно пронизывающих текст, и репрезентирующих эти идеи устойчивых словесных образов, в свою очередь репрезентируемых фраземами.

В художественных текстах Н.В. Гоголя активно используются фраземы как в их узуальной, зафиксированной словарём форме, так и в окказиональной. Среди ярких особенностей языка писателя, отмеченных ещё В.В. Виноградовым, – умение совмещать художественно-литературный стиль с просторечно-бытовыми, официальными и канцелярскими формулами, церковнославянизмов с русизмами, русизмов с украинизмами и заимствованиями. Такие словоупотребления обусловлены не только созданием художественного эффекта: иронии (как, например, деликатный язык дам из города N в «Мёртвых душах») или речевой характеристики персонажей, но и самой позицией Гоголя в отношении национального русского языка: стремления «привести эту «полноту» русской речи, многообразие ее «изворотов и оборотов» к благозвучию, к структурному единству» (Виноградов В.В., 1990: 328). Особо здесь следует выделить разговорно-просторечный стилистический пласт, внутри которого мы и будем рассматривать фразеологические единицы.

Наблюдая над фраземикой произведений Н.В. Гоголя, нельзя не обратить внимание на то, что и в речи персонажей, и непосредственно в авторской речи довольно частотны употребления фразем инфернальной направленности: *чёрт знает что, лукавый попутал, чёрт побери*: «Ну, уж **чёрт его побери**, – подумал про себя Чичиков, – по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!» («Мёртвые души»). – **Бес у тебя в ногах, что ли, чешется?** («Мёртвые души»). – *А вот пусть к тебе повадится чёрт подвёртываться каждый день под руку, так что вот не хочешь брать, а он сам суёт.* («Мёртвые души»). ... – *Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича сам чёрт связал верёвочкой.* («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») Интересно, что в такой же степени частотности используются соответствующие фразеологические синонимы вида *бог знает что, бог принёс, бог с тобой* (ср. *чёрт знает что, чёрт принёс, чёрт с тобой*). В связи с этим возникает вопрос: имеет ли смысл трактовать данные употребления фразем как одну из репрезентаций концептуального уровня текста, или же мы имеем дело с довольно распространённой сниженной, просторечно-разговорной лексико-фразеологической группой.

Обратимся к словарной дефиниции. *Чёрт* – это сверхъестественное существо, внешне напоминающее человека, но с рогами, хвостом и копытами, по религиозным представлениям символизирующее злое начало. Помимо этого, лексема *чёрт* употребляется в качестве бранного выражения, ругательства: чёртом можно назвать малопривлекательного, вызывающего раздражение, неприятие мужчину. Наконец, чёртом можно назвать человека, который очень ловко и умело что-либо делает, обнаруживает сноровку. Метафорически переосмыслившись, указанные ЛСВ образуют фразеологически связанные значения.

На базе лексемы *чёрт* строится обширная группа фразем, причём в качестве компонента фраземы довольно свободно используются лексемы *бес, дьявол, леший*. В семантике этих лексем, естественно, имеются принципиальные отличия: если слова *чёрт, бес* и *демон* можно подвести под общий религиозный знаменатель, то *леший* – номинация мифологического порядка, образ, связанный с народными поверьями (но по сути своей – персонаж, враждебный человеку, и поэтому продолжает синонимический ряд), последняя лексема представляет собой эвфемизм, непрямую номинацию чёрта. Однако в пределах фраземы эти компоненты взаимозаменяемы, поскольку внутри фраземы они частично десемантизируются. Номинативное поле лексико-фра-

зеологической группы не замыкается в рамках inferнального. Более того, значение фраземы и особенно коннотативный его компонент всё дальше отходят от денотативной ситуации, лежащей в основе данных фразем. В русском языке рассматриваемая лексико-фразеологическая группа может выражать:

1. Недовольство, досаду от невозможности описать, объяснить, понять суть чего-либо: *...другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял: «А впрочем, **чёрт его знает**, на лбу ведь не прочтёшь».* – *Это, выходит, просто: Андроны едут, цепуха, белиберда, сапоги всмятку! Это просто **чёрт побери!***

2. Сильное раздражение, неудовольствие: *Ну, уж **чёрт его побери**, – подумал про себя Чичиков, – по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи.*

3. Пожелание уйти, исчезнуть тому, кто неприятен, надоел; пожелание наказания: – *Чтоб вас **чёрт побрал** всех, кто выдумал эти балы! – говорил он в сердцах. – Вот погоди-ка: на страшном суде **черти припекут** тебя за это железными рогатками!*

4. Описание непонятого, необъяснимого, нерационального явления или события: *Но при всём том вышло **чёрт знает** что такое. – Я не стану снимать плевы с **чёрт знает** чего. – Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз **чёрт знает** что и значит.*

5. Мечты, воспоминания о приятном событии: *Эх, братец! как покутили! Теперь даже, как вспомнишь... **чёрт возьми!** т.е. как жаль, что ты не был!*

6. ФЕ, связанные со способностью нечистой силы вводить в заблуждение, толкать на неверный путь: *Богу виноваты, Антон Антонович! **Лукавый попутал**. И закаемся вперед жаловаться.*

7. О человеке, которому всё нипочём: *Вино несколько зашумело в голове, и он вышел на улицу живой, бойкий, по русскому выражению: **сам чёрт не брат**.*

8. Досада, разочарование от неудачи: – *Иван Никифорович спохватился, что сделал неосторожность, произнесиши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. **Все пошло к черту!***

Данная лексико-фразеологическая группа не ограничивается примерами из текстов Н.В. Гоголя, язык позволяет продолжить список: *чёрт дёрнул за язык кого-л., <сам> чёрт ногу сломит, к чёрту на рога, к*

чёрту на кулички, сам чёрт не разберёт, чёрт возьми, чёрт-те что, как чёрт (испачкался, измазался) и др. Таким образом, указанная группа фразем характеризуется следующими признаками: взаимозаменяемость субстанционального компонента без изменения фразеологического значения; разговорно-просторечная окраска фразем; широкий набор экспрессивных коннотативных значений, обозначенных в словаре пометами – неодобрительное, презрительное, шутливое; актуализация фразеологическими средствами концепта «Чёрт», в противоположность концепту «Бог».

Что касается данного противопоставления, любопытным является вопрос о фразеологической синонимии и вариантности. Одним из факторов возникновения вариантности является то, что «этимологический образ может поддерживаться и другими лексемами, принадлежащими, однако, к одному и тому же ассоциативному полю» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 67–68). В связи с этим можно утверждать, что фраземы типа *чёрт (леший, лукавый, бес) попутал* являются фразеологическими вариантами. Мы уже отметили, что существует группа фразем с компонентом *Бог*, не уступающая по объёму фраземам с компонентом *чёрт*, причём эти компоненты способны замещать друг друга без каких-либо серьёзных потерь смысла: *Не то на свете дивно устроено: весёлое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда бог знает что взбредёт в голову* (ср. *чёрт знает что взбредёт в голову, неизвестно что взбредёт в голову*); *Да не нужен мне жеребец, бог с ним!* (ср. *чёрт с ним*); *Ну, попробуй, например, рассказать один блеск их: влажный, бархатный, сахарный: бог их знает, какого нет еще!* (мечта, восхищение). Фразеологическими синонимами считаем «близкие по значениям фраземы, выражающие разные аспекты смыслового содержания одного и того же концепта, соотносимые с одной и той же частью речи и обладающие одинаковой или сходной сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга смысловыми элементами (семами) и стилистической окраской» (Алефиренко Н.Ф., 2009: 64). В этом ключе можно считать перечисленные примеры фразеологическими синонимами. Однако ядра концептов «Бог» и «Чёрт» диаметрально противопоставлены друг другу в языке, и на периферии каждого из них располагаются многочисленные смыслы, не имеющие никаких точек соприкосновения. Так, во фраземе *бог послал, боже храни, благодаря бога* доминируют нейтрально или по-

зитивно окрашенные семы, а в вышеперечисленных фраземах с компонентом *чёрт* – преимущественно негативные.

Отмечая особенности перевода произведений Н.В. Гоголя на английский язык, укажем, что в переводящем языке для рассматриваемых фразем существуют кальки: *чёрт знает* – *the devil (the deuce) <only> knows*; *бог знает* – *God knows*; для английских вариантов справедливо описанное выше деление на фразеологические варианты и синонимы. В качестве центрального компонента выступают лексемы *devil* ('чёрт', 'дьявол', 'бес'), *deuce* ('нечистая сила'), используются эвфемизмы *evil*, *evil spirit* ('зло', 'злой дух'), *evil wind* ('злой ветер'), *bad luck* ('несчастье') (См. Кунин А.В., 1984: 207–211). Отмечаем, что русский язык более категоричен и конкретен, а английские варианты характеризуются большей эвфемистичностью. Однако особых проблем с передачей на английский язык данной группы фразем не возникает. (Ср. *Лукавый попутал!* – *The devil led us astray!*) Это обусловлено, с одной стороны, тем, что этимологический образ, заложенный в основу фраземы, типичен и понятен для обеих культур, а с другой стороны, тем, что фраземы этой группы не подвергаются авторским трансформациям в тексте.

Попытаемся определить функцию данных фразем непосредственно в текстах произведений Гоголя. Не просто так сошлись Иван Иванович с Иваном Никифоровичем – их как будто сам *чёрт связал верёвочкой*. Непросто, как оказалось, понять подлинную лингвокогнитивную сущность гоголевских персонажей и истинное положение дел и событий, которые с ними происходят. Плюшкин думает о Чичикове: «ведь *чёрт его знает*; может быть, он просто хвастун, как все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы поговорить да выпиться чаю, а потом и уедет!» Сам Чичиков говорит о Манилове: в третью минуту разговора с ним скажешь «*чёрт знает, что такое!* – и отойдешь подальше». В неожиданно неловких ситуациях, которые Чичиков, такой ловкий делец, *чёрт знает как* допустил, он теряется так, что не может «произнести ни одного толкового слова» и бормочет «*чёрт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Грёмин, ни Звонский, ни Лидин*»; он чувствует, «что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос – *чёрт его знает*».

«Ежели не зрители, то действующие лица чувствуют какую-то ошеломляющую сонную мглу, фантастическое марево черта», – писал Мережковский о художественном мире произведений Н.В. Гоголя.

Критик фактически сфокусировал внимание на авторских значимых концептах «Ужас», «Пошлость», «Чертовщина», которые оказываются тесно переплетёнными между собой. То страшно, что пошло; пошлость современной Гоголю жизни, которая проявлялась в «отсутствии всего трагического, ... в бессилии, ... в слишком благоразумной середине, ...тупости и плоскости» (Мережковский Д.С., 2007). Фантастика выступает как средство введения в художественную ткань чертовщины, которая и объясняет, по Гоголю, всю пошлость современного ему бытия.

Итак, возможно, подсознательный отбор языковых средств для создания художественного полотна в процессе дискурсивного порождения текста подвергается интенциональной адаптации. В результате в конкретном дискурсе лексические средства получают способность образовывать многомерные, преимущественно образные, связи, которые «могут иметь характер дискурсивных, когнитивных, понятийных, ситуационных и даже звуковых ассоциаций» (Алефиренко Н.Ф., 2010: 253). Такие ассоциации, видимо, обусловили использование фразем с компонентом *чёрт*. Для авторского сознания Гоголя оказался важным феномен чертовщины, фокусирующий в себе концепты «Страх», «Ужас» в тесной взаимосвязи с другими элементами концептосферы языка писателя. Особенностью поэтики Гоголя, таким образом, является ассоциативная связь читательского языкового сознания с inferнальным миром, которая заключается не только в наличии в текстах многочисленных фразем разговорно-просторечного характера с соответствующим лексическим компонентом. На лингвоконцептуальном уровне в текстах Н.В. Гоголя осуществляется тонкая и высокохудожественная связь языковой репрезентации художественного образа с индивидуально-авторским восприятием мира.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. М.: Флинта: Наука, 2009.

Виноградов В.В. Язык Гоголя // В.В. Виноградов Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: избранные труды / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1990. С. 271–330.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / отв. ред. А.М. Шахнарович. М.: КомКнига, 2006.

Мережковский Д.С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. Библиотека «Въхи», 2007. Доступ: <http://www.vehi.net/merezhkovsky/gogol/index.html>.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.